

ШКОЛА: НАЧИНАЕМ обратный отсчёт

Вероника Ивовна Маанди

Педагогическая общественность ищет способы повышения социального статуса, авторитета и престижа учительской профессии.

Мы уважать себя заставим?

— Нет, я всё-таки скажу! Коллеги! — тон обращения был резким и обвинительным. Гул в зале немедленно стих, воцарилась удивлённая и несколько напряжённая тишина, все обернулись на говорившую. — Кто взял с моего места папку с раздаточными материалами? Стоило отойти на перерыв, как всё пропало!

Тишина в зале снова стала наполняться звуками, люди поспешно и несколько смущённо отводили глаза, как будто застали человека за чем-то неприличным. Стоящая рядом пожилая дама попыталась сгладить неловкость, которую почувствовали в этой ситуации, похоже, все, кроме её виновницы. Тихо, почти шёпотом она обратилась к пострадавшей:

— Может, её передвинули? Или кто-то перепутал, ведь все папки одинаковые?

— Как это перепутал? — не снижая громкости, возразила оппонентка. — Я специально положила её на свой стул. Такая приличная публика — и такие действия!

Это был приговор. И все присутствовавшие были признаны прича-

стными и пригвождены к позорному столбу. Абсурд ситуации заключался в том, что обвинение в воровстве прозвучало в адрес людей, собравшихся для обсуждения необходимости повышения статуса педагогического работника. Более того, прозвучало оно из уст того самого работника, статус которого так необходимо повышать...

В зале учёного совета Академии труда и социальных отношений в тот день присутствовали депутаты Госдумы, представители Министерства образования, Союза ректоров, Федерации независимых профсоюзов и профсоюза работников образования, Всероссийского педагогического собрания и Российской академии образования, известные педагоги и специалисты. Если эта представительница учительского корпуса позволяет себе подобные выпады в адрес взрослых, уважаемых и высокопоставленных людей, то, представьте, что и как она говорит детям?!

Впрочем, тут не потребуется большого воображения. Слова, которые то и дело слышат школьники от учителей, всем хорошо известны. Классный руководитель моей дочери, например, обращается к своим подопечным не иначе, как «убогие». И это ещё самое невинное прозвание. Дебил, кретин,

В.И. Маанди. Школа: начинаем обратный отсчёт

баклан, глушак, идиот, даун — вот далеко не полный список тех эпитетов, которые в шесть секунд набросали мне сверстники дочери в ответ на просьбу вспомнить, как их называют учителя. Чем это объяснить? Неужели низким социальным статусом и невысокой зарплатой педагогов? А главное, изменится ли их лексика и отношение к детям, если зарплату повысится, а социальный статус поднять? Это первый вопрос. И он, полагаю, риторический.

Второй вопрос. Когда все вокруг говорят о необходимости повышения статуса педагогического работника, почему-то предполагается, будто после подобного реформирования учителей в России станут сильнее уважать. Где связь? Хотя не исключено... Замечено ведь (и подтверждено научно), что одна и та же картошка кажется покупателю тем вкуснее, чем больше цена, указанная на её этикетке. Ясно, что качество самой картошки от повышения стоимости никак не улучшается, но ведь кажется же... Почти всем кажется. Это психологический закон. Может, и с учителями так? Сделаем их всех олигархами — и станем жить с уверенностью, что наших детей учат сплошь Песталоцци, Корчаки и Ушинские.

Ну а если серьёзно, то причинно-следственная связь в этом вопросе отнюдь не прямолинейна. Президент Д.А. Медведев в послании Федеральному Собранию говорит о необходимости совершенствования педагогического корпуса. Педагоги в ответ — что решение этой проблемы напрямую зависит от повышения статуса учителя, от внедрения моральных и материальных стимулов. При этом все прекрасно понимают, что хороший учитель и в прежнем своём положении честно, самоотверженно и ответственно работал и работает. Плохого же даже самый высокий статус не исправит.

Очевидно, что благодаря высокой зарплате, льготам и привилегиям в классы при-

дёт больше талантливых, высококвалифицированных учителей. Однако с той же вероятностью эти преимущества привлекут и людей посредственных, бездарных или даже не порядочных, алчных и вообще непригодных к педагогике. То есть и третья задача — нарастание в школах доли педагогов по призванию — вряд ли будет решена посредством простого арифметического увеличения окладов и удлинения списка льгот.

Получается, что подобное реформирование бесполезно и от него следует отказаться? Разумеется, это не так. Его необходимо проводить хотя бы ради педагогов-подвижников. Ну а с остальными надо что-то делать...

Всем ясно: состояние современного российского школьного образования опустилось до такого уровня, что дальше — только окончательное разложение. Сериал «Школа» продемонстрировал это с убедительностью патологоанатома — хладнокровно, безучастно и убийственно реалистично. Учительская общественность была глубоко оскорблена, активно протестовала. Но против чего? Только против показа сериала в прайм-тайм. Тем более на Первом. И что уж совсем возмутительно — в Год учителя.

Как сказал на заседании круглого стола заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию **Г.К. Сафаралиев**:

— Фильм «Школа» отразил то, что есть на самом деле. Одну сторону нашей современной образовательной действительности. Видимо, отразить другую сторону у нас пока нет возможности.

— Нельзя унижать учителя. Он — Учитель! — категорически, с горячностью возразил депутату директор школы № 825 **В.А. Караковский**, поддержанный одобрительными возгласами из зала.

Как говорится, при всём уважении, но хотелось бы и других аргументов, кроме риторики и пафоса. Унижать нельзя никого, не только учителя. Но и требовать почтения на основании одной лишь профессиональной принадлежности — на мой взгляд, демагогия и лицемерие. Тем более что нередко сам учитель этого, мягко говоря, никак не заслуживает.

Участники круглого стола долго не могли вернуться к основной теме — упоминание пресловутого сериала задело всех за живое. Похоже, в стране не осталось уже ни одного человека, у которого не было бы о нём своего мнения. Пожалуй, можно даже сказать, что этот фильм стал своеобразной лакмусовой бумажкой — отношение к нему многое говорит и о самом человеке, от его возраста до жизненной позиции. Большинство признаёт: показанное в сериале — правда. Может быть, слишком выпуклая, ну так для этого приёма есть название — гротеск, и есть цель — демонстрация скрытых (и особенно тщательно скрываемых — даже от самих себя) проблем, помощь в осознании безысходности и трагизма той ситуации, в которой мы все сейчас пребываем. В остальном же фильм не представляет интереса и не имеет сколь-нибудь значительной художественной ценности.

Что же касается Года учителя и ожидания по этому поводу исключительно дифирамбов и панегириков, то можно, конечно, тысячу раз произнести слово «халва», только станет ли от этого во рту слаще?

Врачу, исцелися сам!

Считается, что для воздействия на людей человечество пока не придумало ничего более эффективного, чем кнут и пряник. Все реформы отличались друг от друга только пропорциями: в какие-то времена чаще использовались контроль, террор, репрессии, в другие — людей задабривали подачками, а чаще даже просто посулами.

Вот и участники круглого стола во время своего обсуждения то и дело склоняли чашу весов то в одну, то в другую сторону. Вполне предсказуемы были и предпочтения:

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

педагоги требовали «пряника». Прежде всего они настаивали на необходимости обеспечения дальнейшего роста заработной платы (для справки: средняя зарплата учителя в РФ составляет сегодня 11,2 тыс. руб., в Москве — 36 тыс. руб.). Способствовать этому росту, по мнению собравшихся, должно распространение в субъектах Федерации лучших практик введения нормативного подушевого финансирования и новых систем оплаты труда.

Кроме того педагоги говорили о необходимости повышения пенсий, умножения доплат за учёные степени и надбавок за переработки, расширения льгот (в том числе освобождения выпускников педагогических вузов от службы в армии, бесплатного проезда в транспорте и прохода в музеи), выплаты значительных подъёмных молодым специалистам и приоритетного обеспечения жильём всех нуждающихся учителей. Одним словом, скорейшего приравнивания педагогов к статусу государственных служащих (возникает вопрос, а почему только их, и чем хуже, к примеру, водители автобусов или пекари).

Были среди предложений и весьма экзотические. Например, прозвучавшее из уст президента Академии труда, председателя Экспертного совета при Комитете Госдумы по образованию **Н.Н. Гриценко** — о введении чего-то вроде клятвы Гиппократов. Но не столько для педагогов, сколько для представителей всех прочих профессий. Дело в том, что в оригинальном, первоначальном тексте клятвы, составленном древнегреческим врачом, содержалось письменное обязательство: считать учителя наравне с родителями, делиться с ним своим достатком и в случае надобности помогать ему в его нуждах.

Что же мешает нашей власти поднять статус учителя? По мнению ректора

В.И. Маанди. Школа: начинаем обратный отсчёт

Академии труда **В.А. Каменецкого**, вовсе не отсутствие средств в бюджете, на что часто ссылаются её представители, а то, что на эти средства приходится «кормить» слишком большую армию управленцев (то есть тех самых госслужащих, к статусу которых хотят приравнять себя педагоги):

— Сегодня у нас в стране, по данным Росстата, один чиновник приходится на 100 человек. Для сравнения: в СССР при М.С. Горбачёве один чиновник приходился на 220 человек, а при Петре I — на 2250 жителей.

В подтверждение мнения ректора приведу ещё пару весьма показательных цифр: в российской системе образования сегодня почти 6 миллионов работников. Из них учителей — 1,3 миллиона, остальные — чиновники. И число управленцев с каждым годом растёт.

Впрочем, на заседании круглого стола последние составляли меньшинство. Они, конечно, ратовали за «кнут». Так, например, представитель Министерства образования и науки РФ **М.В. Гончар** упоминала в своём выступлении об ужесточении требований, введении более жёстких квалификационных характеристик, более взыскательной аттестации, более строгих индикаторов и норм допуска к преподавательской и воспитательной деятельности, об увеличении испытательного срока и разработке дополнительных оснований для снятия с должности. Однако в итоговом документе эти предложения нашли слабое отражение, и принятые на круглом столе рекомендации получились не вполне сбалансированными — «пряник» явно перетягивал.

Статус — это совокупность прав и свобод, а также обязанностей и ответственности. В принципе всё перечисленное отражено в различных нормативно-правовых документах, действующих сейчас в российском образовательном пространстве. Однако для порядка, по мнению авторов реко-

мендаций, было бы целесообразно свести их все в одном комплексном документе. В настоящее время идёт разработка проекта интегрального закона «Об образовании в Российской Федерации», который призван объединить положения двух ныне действующих — «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В этот единый кодекс и предлагается включить главу о статусе, где законодательно закрепить, что «повышение социального статуса и профессионализма, улучшение материального положения работников образования рассматриваются Российской Федерацией как приоритетные задачи образовательной политики» (цитата из проекта главы 5 будущего закона).

Львиная доля объёма предлагаемого проекта посвящена социальным гарантиям и льготам. Обязанности же педагога описаны куда лаконичнее. Из конкретики — лишь два и так хорошо известных пункта: систематически повышать квалификацию и проходить аттестацию. Да один запрет — на использование образовательного процесса в политических целях или побуждение учащихся к действиям, противоречащим Конституции. Остальное — благие пожелания: обеспечивать высокое качество образовательного процесса, соблюдать нравственные и этические нормы, уважать честь и достоинство обучающихся. Ни измерить, ни проконтролировать, ни доказать невыполнение этих обязанностей практически невозможно.

В целом, решение круглого стола оставило чувство разочарования. Безусловно, всё перечисленное в нём важно и необходимо. Но отнюдь не достаточно. Ведь даже если представить, что все предложения реализованы. Возрастет ли в обществе уважение к учителю, повысится ли его престиж, улучшится ли репутация, усилится ли авторитет? Убеждена, нисколько. Прежде всего, учитель должен измениться сам.

Но это нелегко. Легко свалить всё на систему, заявить, что престиж учительской профессии определяется отношением государства, и снять с себя всякую личную ответственность.

Между тем, как заявил в своём выступлении на круглом столе заместитель руководителя Департамента образования Москвы **М.Ю. Тихонов**, учителя сами утратили свой статус.

«18% школьных учителей, по нашим исследованиям, не имеют высшего педагогического образования» — добавила директор Санкт-Петербургского института педагогического образования **РАО И.И. Соколова**.

Это ли не подсказка того, с чего следовало бы начинать? С обучения обучающихся. Ведь методическая неграмотность (или применение устаревших методик) порождает скучные уроки. Психологическая некомпетентность — неумение завоевывать авторитет и поддерживать дисциплину в классе чем-то кроме крика и оскорблений.

Правда, беда в том, что большинство современных учителей, хоть и обязаны регулярно повышать свою квалификацию, то есть проходить дополнительное обучение, делают это формально, а часто даже фиктивно. У многих произошла профессиональная деформация — они уверовали в собственную непогрешимость, безукоризненность и правоту. Они уже нисколько не сомневаются в том,

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

что их педагогический опыт — лучше любых курсов. К тому же ведут их зачастую совсем молодые преподаватели, прислушиваться к которым пожилые считают ниже своего достоинства. Для таких закостенелых представителей этой профессии действительно следовало бы разработать дополнительные основания для отстранения. А может даже поступить радикальнее — как в Грузии с милиционерами. Уволить всех подчистую и начать всё с нуля?

Только перед этим необходимо ещё составить список критериев, которым должен отвечать претендент на должность учителя, разработать тесты на профпригодность и обязать каждого периодически их проходить. И наконец, проводить отбор среди желающих поступить в педагогические вузы. Никак не менее взыскательный и придирчивый, чем в отряд космонавтов. Почему для работы с железякой, пусть даже высокотехнологичной, пусть даже летающей в космосе и стоящей несколько миллиардов долларов, можно и нужно отбраковывать тысячи в поисках десяти самых достойных, а для работы с хрупкой детской психикой нет? Что может быть дороже, драгоценнее детских душ?! А значит, и отбирать в учителя надо ещё требовательнее и строже, чем в космонавты.